

293	0238	ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН	"Ваньки-встаньки"
-----	------	------------------	-------------------

"Ваньки-встаньки" (Коренблит – Поженян)

1.	Его спаси	– 1.53
2.	Крылья	– 1.35
3.	Была и не будешь	– 1.25
4.	Сток	– 1.54
5.	Ветер перемен	– 1.15
6.	После шторма	– 2.16
7.	Сны покинули меня	– 1.30
8.	Один	– 1.08
9.	Так задумала природа	– 1.09
10.	Что ж?	– 2.00
11.	Клён	– 1.37
12.	Две вороны	– 1.31
13.	В центре Рождества	– 2.03
14.	Старый новый год	– 1.18
15.	Всем я должен	– 1.28
16.	Оттого	– 1.25
17.	Искушение судьбы	– 1.21
18.	Эти генералы	– 2.07
19.	Ваньки-встаньки	– 1.27
20.	Как слоны	– 1.08
21.	Журавли	– 1.48
22.	Синева	– 1.41
23.	Борьба за живучесть	– 1.23
24.	Эхо	– 1.42
25.	Молитва	– 1.30
26.	Завещание	– 2.09
	<i>Общее время звучания – 41.43</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЕГО СПАСИ

В плавни памяти рулю.
Лодку в сумерках топлю.
И бреду сквозь камыши
В поисках своей души.
Вязко чавкает земля.
Раненого журавля
я спасаю, как могу,
и бегу, бегу, бегу.
Он вложил в ладонь мою
шею тонкую свою.
Белое его крыло
отпылало, отпылыло.
Жаль, что стал все тоньше звон.
Что подранки — я и он.
Что, пожалуй, там и тут
к нам на помощь не придут.
Задолжавший небесам,
уцелевший чудом сам.
Ты не помощи проси.

Пропадай — его спаси.

2. КАК ПТИЦА

Как бы мне хотелось, чтобы ты
хоть бы день могла пожить как птица:
то спокойно на воду ложиться,
не теряя чувства высоты,
то, своей свободой горда,
вдруг рвануться вверх на взмахе длинном
к синим недрам, к солнечным глубинам,
чтоб сроднились галька и звезда,
пена волн и пламень облаков,
красные и голубые зори,
чтобы море неба с морем моря,
грозно подступавшие с боков,
говорили: "Вот он, мир, каков!.. "
Птица — что, рожденная от птицы,
цену крыльям знает ли она?
Видно, мне такая боль дана
знать и мочь. И птицей не родиться.

3. БЫЛА И НЕ БУДЕШЬ

Была и не будешь
так странно возлюблена кем-то.
И небо убудет,
как профиль последнего кельта.
В безводном стакане
не вырастут крылья у клена.
И барс мой не станет
глядеть на тебя изумленно.
И то, что двоилось
в упавшую под ноги полночь,
не сдастся на милость.
Желанный озноб не заполнит.
И даже ключицы
так явно не вспыхнут под кожей.
И то, что случится,
не то это будет, не то же.
Сгоревшее лето
чужою росой не остудишь.
Так странно возлюблена кем-то
Была и не будешь.

4. СТОГ

Сон — дневных трудов награда,
отвори калитку сада,
уложи меня в траву.
Я ль не праведно живу.
Раненой ногой не шаркав,
что я нажил? Нож да шапку.
Дней моих веретено
и на треть не зачтено.
Сон — дневных трудов награда,

помоги поспать как надо.
 От звонка и до звонка
 петли вьет моя строка,
 И хотя не лицемеря
 я служил ей так, как мог,
 велика была потеря —
 придавил меня мой стог.
 Сон — дневных трудов награда,
 дай мне вырваться из ада,
 Я б поверил, что во сне
 все это приснилось мне.

5. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Уж мог бы я извериться вполне,
 до срока спину жесткую сутуля.
 Примерз бы палец, и нашлась бы пуля,
 давно затосковавшая по мне.
 Уж мог бы, обрывая провода,
 устав то от напраслины, то фальши,
 не плыть по прежним азимутам дальше.
 Когда б ладонь не обожгла звезда.
 Когда бы, разорвав дремотный плен,
 не вышел наконец-то из опалы,
 по дряхлым гнездам разместив запалы,
 свистящий в ребрах ветер перемен.

6. ПОСЛЕ ШТОРМА

Уже заужен и зажат,
 уже клещами суши сжат,
 как на аркане.
 А он за нами по пятам,
 и злобно хлещет по бортам,
 и океанит.
 уже вдали маячит порт,
 уже откат, уже фиорд,
 но — как в побеге.
 Еще он дышит тяжело
 и вал за валом катит зло
 свои норвеги.
 Так убиваются ветра,
 так неотвязное вчера
 рассветы точит.
 Так эхо выстрел бережет.
 Так раз солгавший снова лжет,
 хоть лгать не хочет.
 Мы столько раз меняли кровь,
 чтоб новыми рождаться вновь
 на переломе.
 Дай, Боже, силы, чтоб не зря
 упрямо горбились моря
 в причальном доме.

7. СНЫ ПОКИНУЛИ МЕНЯ

Лед взломавшая вода
 тяжело рухнула на молы.
 Ночь всю ночь варила смолы,
 с днем покончив навсегда.
 Сосны гнула, в окна дула,
 сотрясая валуны,
 ошалело била в дюнах
 чугунами в чугуны.
 А в нетопленном доме,
 проникая с крыши в печи,
 чей-то голос человеческий,
 завывая, славил тьму.
 ...Печи стынут без огня,
 церкви старятся без звонниц.
 Укрываясь от бессонниц,
 сны покинули меня.
 Ночь — длиннее. День — короче.
 Дни состарятся в года.
 А куда уходят ночи?
 Не уходят никуда.

8. ОДИН

Я с детства ненавидел хор —
 согласный строй певцов.
 И согласованный напор
 отлаженных гребцов.
 И общность наклоненных спин,
 и общий водопой.
 Живу один. Пишу один.
 Плачу одной судьбой.
 Один пришел. Один уйду.
 Один спою свой гимн.
 А яблоки в моем саду
 легко отдам другим.

9. ТАК ЗАДУМАЛА ПРИРОДА

Ни признания не надо,
 ни сочувственной слезы.
 Было б глупо от лозы
 ждать зимою винограда,
 Я на суше бестолков.
 Мой кумир — певучий зяблик.
 Вдоволь трав и горы яблок —
 для детей и стариков.
 Надоел обидный спор
 про порядочных и равных.
 И про красный светофор,
 что работает исправно.
 Надоело про царей,
 Правы те, что так несхожи.
 У любви нет цвета кожи.
 Нет законов для морей.
 И у бездны нет предела.

Есть предел для немоты.
 И со смертью тот на "ты",
 чья душа отторгнет тело.
 Так задумала природа.
 Знает каждый пешеход,
 что подземный переход —
 только место перехода.

10. ЧТО Ж?

Ох уж этот клен зеленый, лист кленовый!
 И напелись, и наплакались — довольно.
 Начинаем понемногу жить по новой.
 Жить по новой: не округло, не продольно.
 А хотелось бы в апрельской светлой раме
 и за рамой, чтоб не кланялись, не лгали.
 Чтобы старое легло под топорами.
 Чтобы новое муравилось лугами.
 Дни качаются на валком коромысле,
 словно мы своей же смелости не рады.
 Что-то скрыли, кто-то струсил, где-то скисли.
 То "не в жилу", то не стоит, то не надо.
 Но сотысячные толпы, как ни странно,
 перед идолами больше не немеют.
 Им на площади теперь уже не страшно,
 и никто друг друга бросить не посмеет.
 Что ж мы топчемся то под гору, то в гору?
 Что ж двоимся мы и до конца не скажем,
 что вошли уже с грехом в такую пору,
 что неистово в ногах у правды ляжем?

11. КЛЁН

Осенний лес грозился: улечу!
 Он силился подняться над собой.
 Но небеса ему не по плечу.
 И он роптал, проигрывая бой.
 И падала осенняя листва
 с орешников, осин и яворов.
 И сыпались последние слова
 почти что без насилия ветров.
 И только клен мой, клен из красных снов,
 приговоренный, смерть опережал.
 Он молча всю свою листву держал.
 Кто сильно чувствует, тот не теряет слов.

12. ДВЕ ВОРОНЫ

В окне осеннем, хладнокровном
 сидят на ясени с утра
 хозяйки черного пера —
 две неразлучные вороны.
 Когда "практически здоров",
 больничное покинув место,
 уеду я, то мой наместник
 увидит тех же двух ворон.

Не вечен, к счастью, лес нагой.
 Опять зазеленеют кроны.
 Такой же, но совсем другой
 увидит снова две вороны.
 Я думаю о том, когда ж
 нам наконец-то станет ясно,
 что мы пытались не напрасно
 разнообразить наш пейзаж.
 Ведь главное — не проворонить
 взрыв хохота в голубизне.
 Придет пора — и две вороны
 навек замрут в моем окне.

13. В ЦЕНТРЕ РОЖДЕСТВА

Не отступает море. И вода
 лежит в морях, достоинством хранима.
 Спешат куда-то люди: мимо, мимо,
 Уселись воробьи на проводах.
 Под фонарем поджала ноги тень.
 На землю сыплет мокрая крошка.
 С тревогой ждет свою котлету кошка.
 Ночь убывает. Наступает день.
 Но исподволь тревога хмурит лоб,
 еще не зная, как она зовется.
 Свободному дыханию нейметя,
 под свитером не преодолев озноб.
 И все же, поощряя естество,
 достав питье и смастерив убранство,
 бьет в черствые колокола христианство,
 по-русски прославляя Рождество.
 А в центре Рождества, как в страшных снах, —
 кто ж все-таки ответит за такое?! —
 весь в шрамах и в военных орденах,
 стоит народ с протянутой рукою.

14. СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

И ёлка в январе
 под старый Новый год.
 И все на ней — свое,
 и все мое — со мною.
 И по ее спине,
 и по моей коре
 чужим не прочитать
 ни Божье, ни земное.
 Что думала она
 в заснеженном лесу,
 какой дала зарок,
 кого ждала весной?
 Зачем под топором
 осталась зелена?
 Чужим не прочитать
 ни Божье, ни земное.
 Печальных дней дружок.

Зеленый мой приют.
 Все то, что с ней, — ее,
 а все мое — со мною.
 ...Смотреть, что говорят.
 И слушать, что поют.
 Чужим не прочитать
 ни Божье, ни земное.

15. ВСЕМ Я ДОЛЖЕН

Если б взять синеву у морей,
 жажду к свету у неба,
 отрешенную щедрость у хлеба,
 верность палубам у якорей.
 Если б жертвенность взять у руды,
 утоление страстей у воды,
 постоянство у смерти.
 Если б, как Аввакум,
 я презрел благодать —
 все равно не сумел бы
 долги я раздать,
 хоть сто жизней отмерьте.
 Всем я должен.
 У всех я в долгу.
 Я с морями в разлуке.
 И, как зимние сосны в снегу,
 сам не знаю, зачем берегу
 под снегами зеленые руки.

16. ОТТОГО

Закольцованные кругом жестких выюг.
 У друзей друг перед другом нет заслуг.
 В дружбе выгод нет и чина. И она
 бескорыстна, беспричинна и прочна.
 Что б ни случилось, кто б ты ни был, как на слом.
 Нас пытаются тем же небом, тем же злом.
 Нам кукушка куковала не до ста.
 Было много, стало мало неспроста
 Не на убыль только плаха, как на грех.
 Но летает наша птаха выше всех.
 Оттого, что мы не слабы полетать.
 Оттого, что наши бабы нам под стать.
 Оттого, что не заслугами сильны.
 Оттого, что мы не слуги, а сыны.

17. ИСКУШЕНИЕ СУДЬБЫ

От каких щедрот,
 от какой чумы
 нагулял народ
 белые чубы?
 То ли нрав такой —
 искушать судьбу.
 То ли род людской —
 из пальбы в пальбу.

То ли спесь держав,
 то ли гнет страстей.
 Прав или не прав —
 не жалея снастей.
 Из морей в моря.
 Из огней в огни.
 Зря или не зря,
 мы или они.
 Величальный звон,
 славы ли глоток...
 Бой — всему закон.
 И всему итог.
 Как царю царить,
 как орлу парить,
 нам свою тропу
 в страдный час торить.
 Вот с каких шедрот,
 от какой чумы
 нагулял народ
 белые чубы.
 Паруса вязать,
 паруса рубить —
 не зады лизать,
 не поклоны бить.

18. ЭТИ ГЕНЕРАЛЫ

Распоясанные, словно в балагане,
 не с трибуны, со страстной Голгофы гнали.
 Я простил бы их — гремевших сапогами,
 если б эти генералы воевали,
 Я простил бы им дворцовые ромашки,
 планок длинные ряды — одни медали,
 закольцованные речи по бумажке,
 если б эти генералы воевали.
 Те — траншейные, других законов дети,
 с теми я всегда б нашел язык окопный.
 В этих — благостный покой десятилетий,
 не рубцованный бедою законной.
 Интересно, что им снится в чешской спальне?
 Где их сабли и клинки, при них — едва ли?!
 Разве был бы я опасным и опальным,
 если б эти генералы воевали.
 К сожаленью, их апломбы — не забавы.
 Их транскрипции — особого секрета.
 Хорошо б им заковать стихи — в уставы,
 а в одежду камер-юнкера — поэта.
 Вот какие у свободы выкрутасы.
 Уплотняется под горлом слой озона.
 И все шире на штанинах их — лампасы.
 Все пятнистей у солдат комбинезоны.
 Власть украдкою невечным снегом тает
 и не слышит ни молитвы и ни стоны.
 И терпение терпением пытается.

И рождаются законы — вне закона.
 Не просохла борозда слезы солдатской.
 Дух взрывной волны бездомной — дух мятежный.
 Бог простил их — простоявших на Сенатской.
 Бог, избавь нас от безумства на Манежной.

19. ВАНЬКИ-ВСТАНЬКИ

Всяк пытали на излом:
 то удавочным узлом,
 то слепнем, осою, молью,
 долгой неотступной болью.
 Обручали с кем могли:
 с лешим, дьяволом, ягою,
 гулкой каменной ногою,
 тяжело ухая, толкли.
 Заклинали топором,
 закаляли стоном скорбным,
 и железом наговорным,
 и железом под ребром.
 Как же я остался цел
 с неоттаявшей войною,
 с вечно ноющей спиною,
 с детства взятый на прицел.
 Что ж! Прижатые к стене,
 на разбитом полустанке,
 видно, все мы "ваньки-встаньки"
 в нашей сказочной стране.

20. КАК СЛОНЫ

Защищая свою крутизну,
 не печальтесь, что губы разбиты.
 Ни погонщику и ни слону.
 Как слоны, не прощайте обиды.
 Шрам притерпится, боль отболит,
 как бы ни были поводы жестки.
 Никому не прощайте обид,
 защищайте свои перекрестки.
 Есть особый изгиб у спины,
 принимающей вызов обрыва.
 И особая власть у разрыва.
 Не прощайте обид, как слоны.
 Без любви ни щепы, ни следа
 ни своим, ни чужим и ни званым.
 Ни слоних, ни слонят, ни саванны.
 Как слоны: никому, никогда ...

21. ЖУРАВЛИ

По-офицерски: в два, так в два.
 И только в час тревожный — ночью —
 я не приемлю многоточье.
 Не в седла севшие слова.
 Двусмысленностей не терплю.
 И неопрятность рта в малине.

И чавканье по скользкой глине.
 Я журавлиный клин люблю.
 Прощальный клич издалека.
 Его осмысленность и ясность.
 Предчувствующего опасность
 взмах сильных крыльев вожака
 И сколько бы, из-под полы,
 стрелки ни делали попытку
 рассеять их живую нитку,
 из века в век — курлы-курлы.
 Преподавая нам урок,
 с поверившими в них птенцами
 над — неприкаянными — нами
 они летят в свой час и срок.
 Не в одиночку, не попарно.
 Привычным клином, не спеша.
 Презрев сидящих в камышах.
 Земле и небу благодарны.

22. СИНЕВА

Тени рыб с фонарем в голове
 и уплывшие вдаль острова —
 все живет в синеве.
 Всех вернет синева.
 Колокольные полдни годов,
 суета городов, и "прошай", и "ау-у" ...
 И ушедшие в травы стада,
 все, чем жил, все, что ждал, чем живу.
 Все уходит туда: в синеву, в синеву.
 Но пока ты со мной и жива.
 Но пока ты со мной, я плыву.
 Ох, как кружится голова,
 как оттянута дней тетива,
 и откуда-то из-подо льда
 я кричу тебе снова: "Ау-у!" ...
 Задвигается синева.
 Все уходит туда, в синеву.

23. БОРЬБА ЗА ЖИВУЧЕСТЬ

Я сжигаю корабли прочной клепки.
 Я уехал жрать вдали плебс похлебки.
 Крупный вес, что важно, нес на себе я.
 На распыл и на разнос не робея.
 Все, что ел, и все, что пил, вкус и запах.
 Завязал и обрубил, бросил за борт.
 Не желаю и врагу эту участь.
 Но борюсь я, как могу, за живучесть.
 Манит марево пустынь всех кувейцев.
 А меня зовут, остыв, разговеться.
 Чтоб, как лошадь, под уздцы на крылечко.
 На тарелочку — рыбцы. Лук колечком.
 И колбаска поострей с полировкой.
 И чтоб рядом был Австрих с поллитровкой.

И покрыть ее пивком — загляденье,
И под задницу пинком — похуденье.

24. ЭХО

Не в теплые края, а навсегда
Как стая птиц, не сбиться бы со счета,
чтоб больше не вернуться из полета,
уходят от меня мои года.
Их много улетело от меня.
Осталось меньше, кто сочтет остатки.
Но для меня все эти миги сладки,
и жар, и холод считанного дня.
У жарких губ касания сухи.
У поздних клятв слова немей и строже.
Уходят годы, чтобы стать моложе.
Уходят к людям новые стихи.
А день, в ночи родившись, сменит тьму.
И новый день опять утешит полночь.
Так эхо возвращается к тому,
кто вышел звать или пришел на помощь.

25. МОЛИТВА

Прошу у судьбы не денег,
а в горестный час — совета.
У ночи прошу я тени.
У полдня прошу я света.
Прошу у судьбы не хлеба.
Мне хватит в меже двух зерен.
Двух звезд на любое небо.
Просвета прошу, зазора.
Прошу у судьбы не славы,
так хлопотно жить под током.
Хочу я уйти не слабым,
а сам, по своим же срокам.
Но пусть за моим порогом
случится мне эта битва.
Молитва не сделка с Богом,
если это молитва.

26. ЗАВЕЩАНИЕ

Если все предназначено, если всемерное "я"
безнадежно, конечно и его поглотит быстротечность, -
чем венчается свод, есть ли смысл бытия,
что есть миг и что вечность?!

Как возвысить свой дух, как смирить неразумную плоть,
чем утешится мозг на пустынном своем пьедестале?
Как в безумной ночи одиночество наста испорочь,
если силы иссякли, а кони устали?!

Есть ли музыка сфер и зачем она всем не слышна?
Если все повторяется, в чем повторяется тело?
Есть ли лебедь любви и к кому прилетает она?!

Я хотел бы, чтоб черная лебедь над окном моим прошелестела.
Ну а счастье? В неведенье? В близости истин нагих?

В деньгах, в славе, в удаче?! От чужбины храни тебя Боже.
Жги свой лес, неустанно проси за других.
И не бойся, не бойся, не бойся, не бойся...